

соотнося ментальные стереотипы «условного украинца» с интерпретациями историками явлений и событий прошлого украинских земель в составе ВКЛ. Данный подход убедительно, а иногда и обескураживающе, демонстрирует, насколько исторический дискурс зависит от вненаучных — возможно и не вполне осознаваемых — факторов человеческого сознания.

Если охватить взглядом все пять стран, причастных к изучению истории ВКЛ, то можно выделить следующие тенденции. Во-первых, за исключением Польши и отчасти Литвы, так и не сложилось отдельных специализаций по истории ВКЛ ни в академической науке, ни в высшей школе. История ВКЛ как таковая служит объектом частных исследовательских инициатив, но не разрабатывается специально в институтах, научных центрах и на кафедрах.

Во-вторых, не хватает свежего взгляда на исторические феномены ВКЛ, который прямо зависит от современных методологий исследований.

В-третьих, происходит поиск разного рода общих концепций в понимании ВКЛ, который часто носит не строго научный характер, но тем не менее способствует привлечению общественного интереса к проблеме (прежде всего, характерно для Белоруссии).

Подводя общий итог, хочется заметить, что, несмотря на отдельные недостатки, сборник материалов круглого стола по истории изучения ВКЛ в 1991–2003 гг. получился весьма информативным. Он указывает на основные характерные черты каждой национальной историографии стран-участниц. Думается, что данная организационная и издательская инициатива вызовет рост исследовательского интереса к проблематике Великого княжества Литовского.

Л. М. Аржакова, В. А. Якубский

Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М.: Индрик, 2006. 504 с.
ISBN 5-85759-354-9

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — фигура в истории отечественного славяноведения в высшей степени примечательная. Не так уж много наберется имен, которые можно было бы поставить рядом с ним по широте научного кругозора или по воздействию, оказанному им на интеллектуальную жизнь пореформенного русского общества. Естественно, что он — талантливый публицист, историк, филолог, этнограф, археограф — и его научное наследие не обойдены вниманием исследователей. Серьезные историографические работы такого рода стали появляться еще при его жизни, и с тех пор их список неуклонно растет. Достаточно взглянуть в именные указатели к «Истории славянской филологии» И. В. Ягича¹

¹ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.

или к коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян»², чтобы убедиться: А. Н. Пыпин принадлежит к числу наиболее часто упоминаемых и цитируемых авторов.

Летом 2004 г. к столетию со дня смерти ученого Институтом славяноведения РАН совместно с рядом высших учебных заведений была проведена научная конференция «А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения». В капитальном труде Л. П. Лаптевой³ Пыпину отведен специальный раздел, а ссылки на его сочинения и переписку проходят буквально через всю эту книгу.

Впрочем, трудно не заметить, что имя Пыпина в литературе вопроса чаще всего фигурирует в связи с идейной борьбой в пореформенной России, речь обычно идет о его тесных контактах с отечественными и зарубежными славистами, об откликах на труды других историков, его же собственные исследования редко становятся объектом анализа. По-своему знаменательный факт: университетский учебник по славянской историографии не назвал ни одной из пыпинских работ и само имя ученого счел нужным упомянуть лишь мимоходом — оба раза в связи с тем влиянием, какое позитивистский метод А. Н. Пыпина оказал на словенского историка Ивана Приятеля⁴.

Не единственная, очевидно, но весомая причина такого положения дел коренится в слабости изученности того научного наследия, которое оставил нам Александр Николаевич Пыпин. За полвека своей ученой и журналистской деятельности он сумел сделать колоссально много. Список его публикаций включает в себя по одним подсчетам 1200, по другим — полторы тысячи позиций. Здесь — наряду со всякого рода обзорами, с небольшими, зачастую печатавшимися анонимно, журнальными заметками — стоят солидные циклы статей и книги. Значительную долю в этом ряду составляют выступления на славянскую тему. Даже одно уж их разыскание, хотя бы предварительное изучение и приведение этого разрозненного массива в некую систему требует долгого труда и недюжинной эрудиции. За это далеко не простое дело взялась Е. П. Аксенова, чьи исследования по истории отечественной славистики пользуются заслуженной известностью. Итоги ее работы подведены в недавно вышедшей под грифом Института славяноведения РАН монографии.

Рецензируемая книга построена по четкому и логичному плану. Ее открывает «Предисловие» с краткой характеристикой места, занимаемого А. Н. Пыпиным в истории отечественного славяноведения. Там же автором охарактеризованы задачи, какие он ставил перед собой. Далее следует развернутое «Введение», которое знакомит читателя с биографией заглавного героя и с методами его научной работы. В основной же части книги найдено удачное, думается, сочетание регионального и проблемного принципов организации материала. Первая глава — «Славянские народы с древних времен до национального возрождения» — резюмирует ту информацию, что общал своим читателям Пыпин по каждой из выделенных исследовательницей рубрик: «Общие сведения», «Болгарь», «Югославянские народы», «Чехи», «Словаки», «Поляки», «Балтийские славяне. Лужицкие сербы», «Русины». Те же рубрики (только в несколько иной последовательности) освещены в главе второй: «Славянские народы в период формирования наций». В центре внимания третьей главы — «Славянское единство. Теория и практика» — оказываются славянская идея, панславизм (в широком понимании слова). «Изучение зарубежных славян в России» составляет пред-

² Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988.

³ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

⁴ Историография истории южных и западных славян. М., 1987. С. 85, 119.

мет рассмотрения в главе четвертой. Последняя, пятая, глава посвящается «Проблемам этнического развития украинцев и белорусов». Итоги разысканиям подведены в «Заключении», где изложено, в частности, авторское понимание того, как Пыпину виделось настоящее и будущее славянской идеи.

«Автор надеется, что эта книга сможет, в какой-то степени, послужить “путеводителем” по славистическим работам А. Н. Пыпина», — сказано в «Предисловии» (С. 11 — *здесь и далее ссылки на рецензируемую монографию даются в тексте*). С уверенностью можно утверждать, что искомая цель исследовательницей достигнута. Каждый, кого интересует история славянского мира, состояние отечественной славистики XIX — начала XX веков, найдет в рецензируемой монографии немало полезного для себя.

В то же самое время при чтении книги трудно избавиться от мысли, что автор пятисотстраничной монографии все же напрасно отводит себе, как правило, лишь роль регистратора, который добросовестно и не вдаваясь в комментарии суммирует высказывания А. Н. Пыпина по тому или иному поводу. Е. П. Аксенова, конечно, предупреждает читателей, что порой Пыпин выступал как самостоятельный исследователь, порой — повторял широко известные истины, и что такая популяризация в русском обществе сведений о славянстве тоже, безусловно, составляла большую заслугу ученого. Но, казалось бы, в задаче современного историографа обязательно входит еще и анализ тех пыпинских публикаций, о которых идет речь. Можно ли здесь обойтись без выяснения того, в каких случаях активный сотрудник «Отечественных записок», «Современника» и «Вестника Европы» выступал в роли транслятора давно и бесспорно установленных фактов, когда — умело выбирал среди бытовавших в науке точек зрения, являвшихся предметом острых дискуссий, те из них, что представлялись ему наиболее интересными и перспективными, а когда — сполна проявлял свойственные ему качества проницательного историка?

Чаще всего Е. П. Аксенова, к сожалению, ограничивается лаконичной констатацией: «Пыпин отмечал», «Пыпин обращал внимание», «он сообщал», «показывал» и т. п. Изредка эти стереотипные обороты приобретают более эмоциональную окраску, и тогда читатель узнает, что «Пыпин не без некоторого скепсиса замечал», «Пыпин с беспокойством писал» и т. д. Впрочем, эмоциональные вкрапления мало что меняют. Вопреки добрым — в этом нет сомнения — намерениям Е. П. Аксеновой, образ ученого от такого реферирования только снижается, поскольку на равных правах с глубокими, говорящими об интуиции, знаниях и таланте наблюдениями подаются элементарные, плоские истины, вполне уместные, нередко — даже необходимые в рассчитанном на неподготовленную читательскую аудиторию журнальном тексте, но ничего существенного не добавляющие к характеристике ученой деятельности А. Н. Пыпина.

Примеров, иллюстрирующих авторский подход к предмету, можно привести сколько угодно. Дабы не перегружать рецензию цитатами, ограничимся двумя: «После Белогорской битвы (1620) совершается, по определению Пыпина, “окончательный упадок Чехии”, она становится “безгласной провинцией империи Габсбургов”» (С. 90), «Христианизация балтийского славянства, как отмечал Пыпин, сопровождалась немецкой колонизацией, которая шла быстрыми темпами» (С. 99). Сообщая все это, исследовательница воздерживается от комментариев. Правда, каждый раз в монографии указан точный адрес, где читатель сможет найти приводимое пыпинское высказывание — и сможет, если пожелает, сам разбираться в том, как соответствующая информация звучала в год публикации текста и как она воспринимается с позиций наших дней. Но в конечном итоге не получается ли, что исследовательница перекладывает на читательские плечи то, что полагалось бы сделать автору монографии?

Совсем не следует понимать дело так, что Е. П. Аксенова всегда уклоняется от анализа реферируемых пыпинских положений. Она, например, присоединяется к мнению тех, кто считает, что к истории гуситского движения А. Н. Пыпин подходил по-новому (С. 86). Но как-то странно выглядит приводимое в обоснование данного тезиса изложение вышедшей в 1864 г. пыпинской рецензии на магистерскую диссертацию В. К. Надлера «Причины и первые проявления оппозиции католицизму». Историограф пишет, комбинируя цитирование этой рецензии с ее пересказом:

«Пыпин замечал: “Разные гуситские партии не сходились в своих целях и средствах”. В стане самих таборитов “мнения религиозные и общественные были крайне разнообразны”. Это ослабило движение, привело к поражению гуситского войска (в битве у Липан в 1434 г.), “демократия и свободная церковь таборитов потеряли свою силу и влияние”, но гусизм еще не был сломен, идеи таборитов еще жили. На чешский престол взошел один из гуситских предводителей Иржи (Юрий) из Подебрад...» (С. 88).

Если что и можно заключить на основании этого пассажа, то вывод скорее будет не в пользу Пыпина. Должно быть, в редакционной спешке тот, не заглянув в нужные книги, положился на свою, в самом деле, феноменальную память, а она на этот раз его подвела. Как бы то ни было, в воспроизведенных Е. П. Аксеновой суждениях А. Н. Пыпина на гуситскую тему отсутствует даже элементарная терминологическая четкость, в частности — путаются близкие по смыслу, но никак не тождественные понятия «гусит» и «таборит».

Трудно понять, по какой причине исследовательницу, похоже, не слишком интересуют даты пыпинских выступлений в печати. Речь о датировке заходит в том случае, если со временем взгляды историка резко менялись, как это случилось с восприятием Краледворской и Зеленогорской рукописей: сначала русский ученый горой стоял за них, отвергая любые сомнения в подлинности, а потом под грузом неопровержимых доводов признал их фальсификатами (С. 44–45).

В большинстве же случаев Е. П. Аксенова не видит особой нужды акцентировать внимание на времени появления тех или иных работ Пыпина, будучи убеждена, что его взгляды отличались завидным постоянством. По-своему исследовательница права: такое постоянство в самом деле было ему свойственно. Но, с другой стороны, не годится забывать хотя бы о том, что теория или гипотеза, звучавшая в середине XIX в. свежо и оригинально, могла спустя годы превратиться в избитый трюизм, и, значит, вопрос о том, когда же об этом писал ученый, для историографа совсем не праздный.

Очевидно, Е. П. Аксенова имела основания не ввязываться в малопродуктивный спор насчет того, числить ли Пыпина демократом или либералом, либо присвоить ему какое-либо гибридное определение — в литературе его воззрения относят к разряду то «либерально-демократических», то «буржуазно-демократических западных» и т. д. (С. 30). Но куда труднее согласиться с тем, что автор монографии неоправданно мало внимания уделил вопросу о методологической ориентации ученого. Разделяя широко принятую точку зрения и считая его позитивистом, исследовательница тем не менее предупреждает: «Причисление Пыпина к безусловным сторонникам позитивизма выглядит слишком прямолинейным. Его философский позитивизм не следует абсолютизировать». Трудности при характеристике методологии ученого, на ее взгляд, проистекают, прежде всего, из умолчания самого историка, который «ни в своих работах, ни в воспоминаниях, ни в переписке... не заявил четко о своей приверженности той или иной системе воззрений, принадлежности к тому или иному общественно-политическому течению, к той или иной научной школе» (С. 31).

Самоидентификация, кто спорит, — вещь по-своему немаловажная. Но разве может историограф позволить себе в полной мере полагаться на нее — равно как и на любые другие декларации? В конечном счете такие задачи, как известно, приходится решать только путем тщательного анализа самого пыпинского научного наследия.

Обращаясь к нему, Е. П. Аксенова почему-то сделала упор на том, что «сближаясь с позитивистами, Пыпин считал науку единственной формой знания. Прогресс человечества он связывал с развитием научных знаний; этому процессу должно способствовать совершенствование общественной жизни и расширение образования» (С. 31). Последователи О. Конта действительно очень чтит науку. Но означает ли это, что подобное отношение следует считать важным отличительным признаком позитивиста?

К слову заметим, что интересные наблюдения над преломлением позитивистских идей в творчестве А. Н. Пыпина были сделаны в докладе А. С. Озерянского на юбилейной сессии 2004 года⁵. Остается сожалеть, что они не нашли отражения в монографии.

Нельзя сказать, что автор рецензируемой книги не ценит аналитический подход к историографическим объектам или не умеет его реализовать. Другие работы Е. П. Аксеновой, в частности «Очерки из истории отечественного славяноведения: 1930-е годы»⁶, доказывают как раз обратное. Но в данном случае автор предпочел акцент сделать на максимально полном охвате всех писаний Пыпина на славянскую тему. Е. П. Аксенова — за что ей честь и хвала — отыскала и собрала разбросанные по журналам 1860-х – начала 1900-х годов статьи, заметки, рецензии А. Н. Пыпина, обобщила и разнесла по соответствующим тематическим рубрикам его высказывания. Должно быть, именно это трудоемкое дело заслонило собой в ее глазах почти все остальное.

Опубликованная монография вызывает искреннее уважение. Она, можно полагать, окажется востребованной. Однако с сожалением приходится констатировать, что выбор того угла зрения, под которым исследовательница рассматривает собранный и систематизированный ею громадный материал, явно пошел книге не на пользу.

Л. М. Аржакова

Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с. ISBN 5-85759-355-2

За последние годы у нас появился целый ряд по-настоящему интересных, содержательных историографических работ, посвященных отечественной славистике. Среди них — монографии Е. П. Аксеновой, М. Ю. Досталь, М. А. Робинсона... Однако и на таком фоне

---

⁵ Озерянский А. С. К вопросу об исторических взглядах А. Н. Пыпина // А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М.: Ставрополь, 2005.

⁶ Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения: 1930-е годы. М., 2000.